

версальной системы, в которой только и может существовать «жизнь». «Через открытие «ты» и соотносительное ему раскрытие меня непосредственное самобытие в этом трансцендировании как бы встречает и узнает свое *собственное существо* — в известном смысле себя самого — *за пределами себя самого*. [5:352] *Это явление встречи с «ты» именно и есть место, в котором впервые в подлинном смысле возникает само «я»*. Существование «я» как замкнутой в себе и статичной данности равнозначно гибели и концу жизни. Жизнь обретается не в объективно существующей реальности, а в динамическом и постоянном раскрытии «я» в «ты».

Таким образом, мы получаем некоторое представление о миропонимании писателя, которое можно, вероятно, описать через понятие феноменологии, розановский же фрагмент — это уникальная структурная модель, воплощающая такой тип миропонимания.

Примечания:

1. Розанов В.В. Опавшие листья. — М.: АСТ, 2001.
2. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб, 1999.
3. Франк С.Л. Непостижимое. — М., 1990.
4. Мамардашвили М. Лекции о Прусте. — М., 1995.
5. Франк С.Л. Сочинения. — М., 1990.

© **Мяновска И.**
г. Быдгощ, Польша

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПОЛЬСКОМ ВУЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ БЫДГОЩСКОЙ АКАДЕМИИ ИМ. КАЗИМИРА ВЕЛИКОГО)

В конце 80-х — начале 90-х годов программа изучения русской литературы в польских вузах изменилась в сторону включения в нее произведений писателей и поэтов до сих пор неизвестных, малоизвестных, или же тех, которые по идеологическим причинам ранее не рекомендовались (это произведения «неопубликованные» или «забытые», или же — «возвращенные»). В этом русле изучается в польских вузах и русская литература XX века, созданная на чужбине, проблемы ее связей с культурой стран пребывания.

Исходя из положения, что русская литература XX века едина [1:184-249], творчество исшедших из послеоктябрьской России художников слова рассматривается в польском вузе в соотношении с официальной литературой советской метрополии, как и подпольной, запрещенной долгие годы цензурой. Недаром Г. Струве в свое время констатировал: «Русская зарубежная литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы, который, придет время, волеется в общее русло этой литературы» [2:7].

Надо отметить, что в Польше литература русского зарубежья осваивается многими исследователями. Весомый вклад в ее разработку внесли: вроцлавский ученый Ф. Селицкий, незабвенный, ушедший из жизни, Анджей Дравич, краковский исследователь, создатель термина «эмигрантология» Л. Суханек со своим исследовательским сектором, а также А. Володзько (Варшава), А. Возняк (Люблин), И. Малей (Вроцлав), Б. Кодзис (Ополе), И. Ковальска-Пашт (Щецин), И. Мяновска (Быдгощ), К. Дуда (Краков), и другие¹. Польские исследователи в центре своих научных интере-

¹ F. Sielicki, Co czytali Polacy w okresie międzywojennym z rosyjskiej literatury emigracyjnej, "Przegląd Ruscystyczny", 1994, zeszyt 1-2, s. 71-79; F. Sielicki, Pisarze rosyjscy początku wieku w Polsce międzywojennej, "Acta Universitatis Wratislaviensis", nr 88, Wrocław 1996; Antologia wolnej literatury rosyjskiej, pod red. A. Drawicza, Warszawa 1992, Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej, pod red. L. Suchanka, Krakow 1993; Dac świadectwo prawdzie, pod red. L. Suchanka,

сов поставили прежде всего литературу первой и третьей волны русской эмиграции. Подробно и обстоятельно о польских исследованиях в области литературы третьей волны эмиграции рассуждает Л. Суханек в статье *Русская эмиграция третьей волны и поляки* [3:361-370]. Ученый не обошел молчанием важную для литературы третьей волны проблематику перевода ее на польский язык. Подытоживая свои соображения, он констатирует:

«Лучший путь к сближению народов ведет через культуру», и со словами исследователя стоит согласиться [3:365].

Справедливы и суждения краковского профессора о невозможности «перечитать все тексты русских писателей третьей волны эмиграции, переведенные на польский язык», как и нельзя «назвать все польские работы, посвященные этой проблематике». Таким образом, польские русисты последовательно и плодотворно исследуют литературу русской эмиграции, развивая польскую эмигрантологию, соотнося ее результаты с изучением этого явления в более широких рамках славистики, в первую очередь, российской филологической науки.

Польские литературоведы знакомы также с большинством публикаций своих российских коллег, в том числе с трехтомной литературной энциклопедией русского зарубежья под ред. А. Николокина, с *Золотой Книгой Эмиграции* под общей ред. В. Шелухаева, материалами уже прошедших трех зайцевских чтений в Калуге, шмелевских чтений в Алуште, со статьями О. Михайлова, Е. Чельшева, А. Чагина, А. Черникова, А. Любомудрова и многих других, а также с учебными пособиями В. Агеносова, Б. Ланина, Е. Зубаревой, А. Ванюкова, с новым учебником по современной русской литературе в трех книгах Н. Лейдермана и М. Липовецкого, всех не перечислить. Стоит подчеркнуть, что в силу сложившихся обстоятельств, в Польше доступ к научной российской литературе уже в 90-е годы крайне осложнился и лишь многочисленные личные контакты ученых, а также участие в международных конференциях и научных сборниках позволяют польским исследователям не оставаться в стороне от новейших разработок важной ветви литературы XX века — русского зарубежья.

Кафедра Исследований по Культуре России Быдгощской Академии в центре своих научных интересов поставила творчество «поэта в прозе», эмигранта Бориса Константиновича Зайцева. В рамках кафедры в ходе подготовки одна кандидатская диссертация, озаглавленная *«Святая Русь» в агиографической и автобиографической прозе Б.К. Зайцева* и одна докторская *Ценностный язык прозы Б.К. Зайцева*, поэтому не случаен и интерес польских студентов к тематике русского зарубежья. К 2002 году студенты русской филологии к тридцатой годовщине смерти автора «Голубой звезды» подготовили научно-популярную конференцию *«Художественный мир Бориса Константиновича Зайцева»*, и устроили выставку доступных в вузе его произ-

Krakow 1996; Realisci i postmodernisci. Sylwetki wspolczesnych rosyjskich pisarzy emigracyjnych pod red. L. Suchanka, Krakow 1997; Obraz swiata i czlowieka w literaturze i mysli emigracji rosyjskiej pod red. A. Dudka, Krakow 2003; L. Suchanek, A. Solzenicyн - pisarz i publicysta, Krakow 1994; L. Suchanek, Homo Sovieticus. Swiatlana przyszlosc. Gnijacy Zachod. Pisarstwo A. Zinowiewa, Krakow 1999; L. Suchanek, Parias i Heros. Tworczość Eduarda Limonowa, Krakow 2001; A. Wolodko, Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji, Warszawa 1995; A. Wozniak, Tradycja ruska według Aleksego Remizowa, Lublin 1996; I. Malej, Impresjonizm w literaturze rosyjskiej na przelomie XIX i XX wieku. Wybrane zagadnienia, Wrocław 1997; B. Kodzis, Literaturne центры русского зарубежья 1918-1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание, Munchen 2002; I. Kowalska-Paszt, Proza nefikcjonalna trzeciej fali emigracji. Model typologiczny, Szczecin 2001; J. Mianowska, Неизвестные страницы литературы третьей волны русской эмиграции. Александр Минчин: проза жизни, Bydgoszcz 2001; J. Mianowska, Дина Рубина вчера и сегодня, Torun 2003. См. также: J. Mianowska, Антология прозы русской эмиграции (первая и третья волна), Bydgoszcz 1997; J. Mianowska, Литература русского зарубежья и "возвращенная" в образах и с комментариями, Bydgoszcz 1998; K. Duda, Wiara i narod. Tworczość Władimira Maksimowa, Krakow 2001.

ведений. Прозвучали интересные доклады студентов, самостоятельно подготовленные на русском языке:

1. *Художественные поиски Бориса Константиновича Зайцева.*
2. *Б. Зайцев и импрессионизм.*
3. *Агиографический жанр в прозе Б. Зайцева.*
4. *В чем праведность «поэта в прозе»?*
5. *Публицистика Б. Зайцева.*
6. *Эпистолярное наследие Б. Зайцева.*
7. *Польское в прозе Б. Зайцева.*

В 2003 году наши студенты самостоятельно проделали большую работу, подготовив материал к объемной стенгазете по случаю 130-й годовщины со дня рождения автора «Солнца мертвых», используя при этом фотографические съемки, сделанные в музее Ивана Шмелева в Алуште.

С 1995 года в Быдгоще ведется магистерский семинар «Русская литература XX века, созданная на чужбине». До 2003 года написаны 43 работы. Обратимся к тематике этого семинара. Как уже отмечалось, интерес к литературе русского зарубежья в Быдгоще не случаен. Студенты, избравшие на 4 курсе факультативно художественную литературу как предмет своих исследований, участвуют в течение одного семестра в курсе по эмигрантологии (на него отводится 30 часов в семестр) и в практических занятиях также 30 часов в семестре. В это время они знакомятся с историей литературы русского зарубежья, причинами ее возникновения, периодизацией, основными гнездами рассеяния. Особое место в этом курсе уделяется первой волне литературы русского зарубежья, формированию художественной и научной мысли, группам писателей и литературным направлениям, созданным на чужбине. Студентам рекомендуется соответствующая литература российских, польских и других исследователей, к примеру Д. Глэда, Ж. Нива. Так как многие книги и статьи в Польше недоступны, часто приходится приносить на занятия единственный экземпляр книги или статьи для ксерокопирования (статьи Е. Чельшева, А. Чагина, А. Николукина, А. Черникова, Е. Дейч, О. Спиридоновой, В. Захаровой, и других, чьи имена назвать просто невозможно). Анализируя творчество М. Алданова, И. Бунина, З. Гиппиус, Б. Зайцева, Д. Мережковского, В. Набокова-Сирина, А. Ремизова, И. Шмелева, и других эмигрантов, подчеркивается антропологический аспект художественной тематики, вечные темы произведений, восходящие и к мифологической древности.

Литература второй волны зарубежья исследуется в Быдгоще лишь в общей характеристике. Роман Н. Нарокова *Мнимые величины* показан в идеологическом плане: идея как «мнимая величина». Внимание уделяется также известному прозаику Леониду Ржевскому с его романом *Между двух звезд*, а также жанровым и стилистическим особенностям в поэзии И. Елагина, Н. Моршена и И. Чиннова.

Много места отводится на занятиях по эмигрантологии литературе третьей волны русской эмиграции, которая, к сожалению, не удостоена ни одним отдельным лексиконом или словарем, кроме небольшого, вышедшего еще в 1995 году в Быдгоще [4]. Анализируются проблемы от типологических особенностей литературы эмигрантов 70-х – 80-х годов до анализа автора-повествователя-рассказчика в произведениях С. Довлатова, В. Аксенова, С. Соколова и пространственно-временной структуры и жанрового своеобразия лирики И. Бродского. В качестве особых тем следует выделить творчество неизвестных писателей третьей волны русской эмиграции Александра Минчина и Вячеслава Репина, автора романа *Звездная болезнь или зрелые годы мизантропа*, как и малоизвестного в Польше С. Юрьенена.

Стоит назвать некоторые магистерские работы, защищенные на «хорошо» и «отлично» в Быдгощской Академии в 1997-2003 гг.:

Агнешка Голэмбиовска — Б.К. Зайцев и христианская традиция, Быдгощ 1997.
Ивона Енджейчик, *Фантастический и реальный мир в творчестве Алексея Ремизова*, Быдгощ 1997.

Александра Сважиньска, *Юмор и сатира в прозе Надежды Тэффи*, Быдгощ 1997.
Агнешка Мельцажевич, *Драматургия и авторская песня Александра Галича*, Быдгощ 1998.

Катажина Томацка, *Художественный мир Марка Шагала*, Быдгощ 1998.

Бэата Вегнерска, *«Утерянный рай» в творчестве В. Набокова*, Быдгощ 1999.

Адриана Балиньска, *Женские образы в творчестве писателей первой волны эмиграции*, Быдгощ 2000.

Эдита Карпач, *«Гражданин двух миров» Сергей Довлатов. Жизнь и творчество*, Быдгощ 2000.

Агата Антчак, *Стереотип женщины в прозе третьей волны русской эмиграции (С. Довлатов, Э. Лимонов, А. Минчин)*, Быдгощ 2002.

Ивона Возняк, *Реальная сложность, многообразие мира и искусственная формула счастья по роману «Мы» Евгения Замятина*, Быдгощ 2002.

Евелина Штельчик, *Цветы и птицы в «Аде» В. Набокова*, Быдгощ 2003.

Анна Хоецка, *Колористика в прозе Л. Андреева*, Быдгощ 2003.

Анна Ярмошевич, *Память в творчестве Ивана Шмелева*, Быдгощ 2003.

В 2003/2004 учебном году предусмотрены защиты работ тринадцати студентов, которые в центре своих исследований поставили творчество Дины Рубиной, Александра Солженицына, Марка Алданова, Михаила Арцыбашева, Бориса Зайцева, Ивана Бунина и других.

К 2004 году можно констатировать, что литература русского зарубежья, хоть и разрабатывается уже многие годы усилиями как опытных, так и молодых исследователей из многих стран, однако она настолько богата, многоаспектна, что до сих пор в ее разработке существуют проблемы из числа «terra incognita», помимо изучения все новых архивных материалов, организаций встреч и круглых столов, писателей, поэтов и литературоведов, выхода все новых произведений, мемуаров видных деятелей российской культуры, созданной на чужбине. Грустно становится думать об этом, что даже в сегодняшнем мире компьютерной технологии многие работы о литературе, созданные творцами в рассеянии, просто недоступны. Польские и русские литературоведы не знают работ друг друга, обычно цитируют лишь своих соотечественников, не взяв во внимание факт богатства и многоаспектности русской зарубежной литературы, которая еще долгие годы будет осваиваться исследователями из многих стран мира, в том числе и Польши. Хочется верить, что существенные сдвиги, произошедшие в изучении литературы, созданной на чужбине, в последнее десятилетие XX века и ныне будут способствовать не только воссозданию полной картины развития русской литературы, но и обмену информации славистов, преподавателей-словесников разных стран. Литература русской эмиграции, ставшая, по словам Дравича «феноменом столетия», и составляющая, по словам Володзько, «межкультурный мост», ждет еще своих исследователей в Польше.

Примечания:

1. О. Михайлов, В рассеянии — целостная, «Российский литературоведческий журнал», 1993, №1.
2. Г. Струве, Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья, Париж — М., 1996.
3. L. Suchanek, Русская эмиграция третьей волны и поляки, «Slavia orientalis» 2000, nr 3.
4. J. Mianowska, Писатели русского зарубежья. Третья волна эмиграции. Проза. Библиографический указатель, — Быдгощ 1995.